

Аркадий Неделъ (Париж)

НЕМЫСЛИМОЕ ПРОШЛОЕ

Анализ одной счастливой эпохи

На границе XIX века с XX, среди немецких профессоров философии развернулась дискуссия о чувстве и понимании истории. Спорили главным образом о разнице в подходе к истории у народов культурных, имеющих чувство исторического, и народов некультурных, чувства исторического не имеющих. Один из активных участников этой дискуссии, Генрих Рикерт, писал:

Говорят о “диких народах” (Naturvölkern) и противопоставляют их как “историческим народам”, так и “культурным народам”. Мы видим теперь, насколько это противопоставление правомерно и в какой связи находятся эти противоположности.¹

И далее:

<...> исторические народы всегда должны быть и культурными народами, и культура может существовать лишь у исторических народов <...> Лишь культурные ценности делают возможной историю как науку и лишь историческое развитие порождает культурные ценности <...>.²

Авторитарность этого суждения не лишает его, однако, определенного интереса. Рикерт убежден, что только история, и ничто кроме нее, является условием создания культуры, которая этой же историей и потребляется. Люди без исторического чутья, не осознающие своей собственной истории, сами собой лишаются права на культурные ценности. Обладать таковыми можно только тем, кто знаком с их производством. Словом, быть вне истории – значит: не иметь и культуры, хуже того – не знать себя. Кто-то согласится с таким мнением, кто-то его отвергнет, – не так это сейчас важно. Проблема стоит острее.

Если, по Рикерту, история есть единственный производитель культуры и, в тоже самое время, условие обладания ею, то рано или поздно нам придется остановиться и спросить себя: не является ли эта производящая история

¹ Рикерт, Г. 1903: *Границы естественно-научного образования понятий*. СПб. 428.

² Там же.

механизмом, который превращает прошлое в невысказанное целое, разрушая при этом целостность нашего сознания? Не приносится ли нами прошлое в жертву такому производству? Ответов на эти вопросы в текстах Рикерта нет. Попробуем разобраться сами.

Когда мы называем нечто историей, когда мы, стало быть, апеллируем к историческому чувству, мы обращаемся к некоему бытию – бытию вещей и событий, – которого с нами нет в настоящем и чья актуальность осталась в прошлом времени. При помощи истории, мыслящей исчезнувшее бытие в качестве реальности, изображающей эту реальность в здесь и сейчас, мы, настоящие и живые, проникаем в прошлое, преодолевая дистанцию между своим сознанием и его бытием. Некое событие или какой-то факт из жизни, произошедший с нами самими или с кем-нибудь другим, схваченный силой исторического к нему обращения, оказывается снаружи и представляется таким образом, как будто он никогда и никуда не исчезал. Продолжая быть в прошлом, событие (или факт) становится историчным, что свидетельствует о потере им бытия. Это означает: никакое событие и никакой факт не идентичны тому прошлому, в котором они произошли. Их нельзя понять, исходя из прошлого, и точно также мы не можем понять прошлое, исходя из тех событий и фактов, которые извлекаются нашей историей из отдаленного опыта и таким образом делаются доступными в бесконечных текстах и устных признаниях. Иллюзия того, что некий факт, случившийся в прошлом, имеет для нас, живущих, определенный исторический смысл, утрачивается в тот самый момент, когда этот смысл там отыскивается. То, что сознание воспринимает в качестве смысла, отыскиваемого в прошлом, есть способ, которым прошлое становится невысказанным. Поясню вкратце эту идею. Мы знаем, что произошло некое событие. Пусть, к примеру, это будет ввод советских войск на территорию Польши в 1939 году. Мы знаем место и время того, что именно случилось. Мы говорим: захват советскими войсками части польской территории, является фактом, произошедшим в самом начале Второй мировой войны. Мы не сомневаемся в правоте этих слов, так как обладаем рядом документов и свидетельств, подтверждающих наличие такого факта в истории. Однако мы не отдаем себе отчета в том, что данное событие становится фактом только тогда, когда мы помещаем его в свою историю, то есть когда бытие события делается тождественным найденному в нем смыслу. Проще говоря, в истории событие тождественно смыслу, только в ней оно становится историческим фактом, отменяющим прошлое самого события. Мы не можем одновременно помыслить событие прошлого и его смысл, нам лишь кажется, что мы это делаем. Эта ситуация похожа на восприятие слова. Скажем, никто не воспринимает французский глагол *arrêter* сначала как сложную лексическую единицу, содержащую в себе три

латинских компонента (*ad + re + stare*), а затем как фонетический ряд, означающий остановку, задержку. Это слово воспринимается сразу как некая целостность, имеющая устойчивое значение в языке. Напротив, чтобы нам разобраться в составляющих слова *arrêter*, мы должны на какое-то время забыть его смысл, дать ему выпасть из нашего лингвистического сознания. Также обстоит дело и с событием прошлого. Мы воспринимаем его смысл, а не то, что оно имело место в прошлом, не его «прошлость». Последняя, подобно латинским компонентам глагола *arrêter*, рассеивается значением, которое в нем устанавливается.

Так, идентифицируясь со смыслом, событие перестает быть событием; оно теряется из прошлого, а прошлое из него. Поэтому прошлое нами не мыслится, а производится, оно инсталлируется в сознание теми смыслами, которые находятся у нас под рукой. И далее, из предмета мысли прошлое превращается в способ мышления. Мыслить прошлым, находить смысл его событиям, является освобождением от реальности, избыточность которой преодолевается историческим сознанием.

Эти несколько соображений пригодятся нам дальше, а пока приведем еще один пример (психоаналитический). Предположим, человек пережил в детстве сильную травму – смерть близкого приятеля. Прошло время, и это событие потеряло свою актуальность, однако, как и полагается, оно никуда не исчезло, а осело в бессознательном. Уже будучи взрослым, переживший травму человек, попадает в кабинет к аналитику. Выясняется, что его страх знакомиться с молодыми людьми обусловлен пережитой в детстве травмой (страх, что новый знакомый может также умереть). Сложность ситуации, в которую попадает такой пациент, состоит в том, что смысл травмы, теперь ему понятный, рассеивает травматическое событие и занимает его место. Травма больше не страшна, она осмыслена, – так может казаться. Но в этом вся опасность и таится. Мы не замечаем, как травматическим становится сам смысл некогда произошедшего события, смысл того, что случилось в прошлом. Отныне, пытаясь прошлое помыслить, человек не находит в нем ничего, кроме сопротивления, всякий раз к этому прошлому приближаясь. Прошлого нет, нет и его событий, есть его осмысление, создающее травму из самого прошлого, которая вряд ли поддается излечиванию. Фрейд, надо полагать, ошибался, когда связывал процесс выздоровления с пониманием пережитого или увиденного. Он надеялся, что прошлое можно упразднить, превратив его в историю. Это было бы самым удачным решением проблемы, и отнюдь не только для психоанализа. Результаты оказываются куда менее дерзкими, чем планы. Осмысленное событие, покидая прошлое, становится историческим фактом. Для сознания он есть и, одновременно, его нет. От такого факта невозможно избавиться тем же путем, которым мы, либо при

помощи психоанализа, либо другими средствами, избавляемся от события. Избавление тут происходит тем парадоксальным образом, что, избавляясь от нежелательного и травматического, мы приобретаем и узакониваем его в своей психике именно тем путем, каким мы от него избавляемся. Можно ли считать это подлинным избавлением? – вряд ли. Исторический факт есть смысл (осмысленная фактичность), который полностью идентичен живому настоящему, конструирующему нашу ментальную номенклатуру.

В романе М. Шишкина *Взятие Измаила* описывается эпизод, когда герой (он же рассказчик) участвует при раскопке гроба своей матери, труп которой должны перезахоронить. Смерть матери стала прошлым, сыновья боль от случившегося прошла. Герой о ней почти не вспоминал:

Мама в моем сознании, в моих мыслях умерла уже давно, в каком-то далеком прошлом, тысячи повседневных дел и забот уже вытеснили ее из моей жизни, я вспоминал о ней в Москве лишь иногда, я знал, что ее больше в этом мире нет и никогда не будет, ни ее самой, ни ее голоса, ни ее взгляда, ничего. Она ушла из этого мира, просто исчезла.³

Ожидая встретиться с матерью вновь, уже не с ней, а с ее останками, герой уже забывает обо всем том, что сделало мать «умершей в его сознании». И сейчас он вспоминает не событие смерти матери, а тот факт, что это его мать; он встречается не с событием ее давней смерти, с тем, что есть для него мать, с тем местом и смыслом, которые она занимает в его сознании. Поэтому мать остается как бы нетронутой:

Не знаю, что я ожидал увидеть – страшную картину разложения, полуистлевшую мумию, скелет, одним словом, я был готов встретиться с чем-то уже нечеловеческим, что имело бы к ней лишь опосредованное отношение, – и вдруг перед моими глазами, когда крышку сняли и аккуратно положили сбоку, оказалась моя мама, почти такая же, какая она была тогда, в день похорон, только лицо еще больше осунулось, вылез нос, впали щеки, ногти почернели, а цвет кожи стал совсем желтым, будто она все эти полгода нюхала те мои одуванчики.⁴

Прошлое утрачено, но только в форме событий, его составлявших. Они – не восстанавливаются. Этого и не требуется. Важнее неистребимость и сила того, что нами осознается как утрата. Не иначе, как в качестве такой утраты, прошлое закрепляется в смысле и становится бессмертным. Его бессмертие и немыслимость суть составляющие бессознательной практики – практики постоянной утраты, происходящей в момент, когда эта утрата осознается. Строго говоря, утрачивается не прошлое, а возможность в нем находиться; бессознательное является фантазматической реальностью, которая такую возможность восстанавливает. Во *Взятии Измаила* есть эпи-

³ Шишкин, М. 2000. *Взятие Измаила*. Москва, «Вагриус» 98-99.

⁴ Там же.

зод, когда молодой человек разговаривает по телефону со своей бабушкой. Бабушка была стара и забывалась,

ей казалось, что это опять пришли арестовывать ее мужа, и она начинала плакать в трубку:

— Не надо! Отпустите! Что вы делаете!

— Бабушка! — пытался прервать ее Д. — Да это же я, твой Женя! Успокойся! Дай отца!

Но та не слушала.

— Отпустите! Что мы вам сделали! Отпустите!⁵

Сознание этого персонажа отключалось от настоящего, где старая женщина, пусть полубезумная, еще пребывала. Но главное здесь не ее безумие. Страх перед арестом, с которым жило большинство людей 1930-х — 40-х годов, явился не событием, ушедшим в прошлое, а прошлым, которым воспринимаются и мыслятся все остальные события. Бабушка плачет в телефонную трубку и просит не забирать ее мужа (это происходит сейчас). Она оказывается не в состоянии освободиться от этого страха и по прошествию многих десятков лет; для ее внука такое поведение бессмысленно (дементная старуха, — так воспринимает ее и читатель романа), но для нее страх есть единственный смысл, конституирующий ее отношение с миром. Без него она бы потеряла всякую, для нее одну значимую и актуальную, связь между событиями, расположенными ее психикой не в линейной последовательности. Аресты близких находятся не в памяти такого человека, они внесены в настоящее, где происходит сам процесс воспоминания (признания, просьбы, желания и т. п.). Страх вызван желанием понять, что же произошло, и столкновением с тотальной невозможностью это сделать. Прошлое оказывается желанием, которое я никогда не могу исполнить. Права Рената Салецл, отмечавшая:

то, что никогда не может стать достоянием памяти, не может быть символизированным, включенным в нарративную структуру, является не неким ускользнувшим мгновением утраченного прошлого, а влечением, которое на самом деле никогда не может быть забыто <...>⁶

История разрушает целостность нашего сознания, создавая ему объект, который оно не в состоянии помыслить. Чем больше мы входим в историю, чем больше мы приобретаем чувство исторического и чем сильнее наше убеждение в своей историчности, тем дальше мы отлетаем от изначальной симбиотической целостности сознания и мира. Этот симбиоз нарушается тем, что историческое сознание, в отличие от сознания, не знающего своей

⁵ Там же: 130.

⁶ Салецл, Р. 1999: *(Из)вращения любви и ненависти*. Москва, Художественный журнал. 75.

истории, выстраивается как серия смыслов, а не как серия событий. Не зная истории, человек не может мыслить прошлое в ее терминах. Отсюда ясно, почему тоталитарная культура, и в частности сталинизм, отменяла всю ей предшествующую историю, уничтожая прошлое как предмет устремления и размышления. Цель такого грандиозного проекта состояла в том, чтобы восстановить разрушенный симбиоз между сознанием и его носителями, между сознанием и реальностью, которая, освободившись от прошлого, не представляет больше угрозы своей невозможностью.

Сталинистский человек мог совершить практически все, что желал. Он не знал ни исторических препятствий, ни объективных законов, которым он мог противоречить. Прошлое отменялось как нечто, что мешало сознанию сделать мир частью самого себя, смысл происходящего был им самим, его нельзя было различить с событиями, в которых оказывался человек с его новым миром. Все, что в нем происходило, было своего рода абсолютным модулем, не знающим прошлого и вытесняющим любой смысл, способный ему на это прошлое указать. Гигантские стройки, ГЭС и каналы, освоение новых пространств, морские северные экспедиции, многочасовые перелеты на самолетах, были теми крупномасштабными операциями, которые устранили из сознания новых людей объекты истории. Мир рождается сейчас и здесь, у них на глазах, и людям незачем мыслить и пытаться переживать то, что где-то и когда-то происходило не с ними и их напрямую не касается. Люди должны были видеть и чувствовать новые объекты, не исторические или пришедшие из прошлого, а те, что создаются непосредственно ими самими. Эти объекты были столь огромными, их настоящее значение было столь велико, а их ценность для всех была настолько непрекаема, что они сами собой вытесняли прошлое из всего пространства победившего мира. В том и было их основное предназначение, помимо утилитарного.

Человек сталинской эпохи жил в настоящем будущем. Над прошлым он мог только смеяться, а лучше и вообще не иметь о нем представления (и уж если таковое было, то оно было резко отрицательным). Не случайно, что в самые ответственные годы борьбы за социализм Сталин, как бы подводя определенные результаты своим «разборкам» с психоисторией, снимает с нового человека ответственность за прошлое его родителей и ближайшего окружения. Напомню, что сам вождь под этим новым человеком понимал поколение 25-30-летних людей, не знавших в силу возраста никакого другого мира, кроме созданного им, Иосифом Сталиным. Этот класс людей был им особо ценим, они обладали именно тем сознанием, которое он создавал у всех остальных. Это поколение знало о прошлом ровно то, что его нет.

Поэтому, в отличие, скажем, от Фрейда, Сталин боролся не с событиями прошлого и даже не с ним самим, как его учитель Ленин, а с осмысляющим это прошлое настоящим, со смыслами, травмирующими сознание людей его эпохи. Радикальность этой борьбы заключалась в том, чтобы изъять эти смыслы из той истории, внутри которой они создавались, лишить их силы, которой они наделяли свои объекты. Отныне они становятся множеством, к которому принадлежат одновременно все и никто. Но по сути, все эти низвергаемые и травмирующие общественное сознание смыслы создавали территорию бессознательного, территорию бесконечного присутствия, где происходило онтологическое уничтожение истории. Вчера человек назван другом и настоящим коммунистом, сегодня он враг, троцкист. Еще недавно он любил и верил в честность своего отца и матери, и вот происходит нечто, и самые близкие ему люди оказываются предателями и изменниками.

Сталинистский мир подвижен; подобно средневековью, это мир чудес и перевоплощений, а не истории и стабильных структур. Человек знал, что с ним может произойти любая метаморфоза, о смысле которой он мог даже не догадываться. И как персонажи средневековых житий и поучительных историй, этот человек боялся не будущего, которое его могло ожидать или нет, а прошлого, которого всегда и с большим опасением ожидал он сам. В романе В. Кетглинской *Мужество*⁷ (1934–38) Клара Каплан работает на крупной дальневосточной стройке. Она пользуется доверием у товарищей. В результате интриги коллеги Клары узнают, что ее родители покинули родину, а ее бывший муж сотрудничает с врагами. Непримируемая к врагам, молодая женщина вдруг сама оказывается в атмосфере недоверия, сплетен и постоянного подозрения. Она начинает сомневаться в себе – была ли она в действительности той настоящей коммунисткой и верным товарищем, за которую ее принимало большинство на стройке? В романе А. Мальшкина *Люди из захолустья* (1947)⁸ похожий вопрос задает себе начинающий журналист Соустин: если я способен сам заметить в себе врага, значит, я это понимаю, тогда можно ли меня считать настоящим врагом? Несмотря на всю хитрость этой диалектики, человек ошибался, если он полагался на свое прошлое и пытался найти в нем ответ на злобу дня. Вопрос: «чем я был на самом деле?» не является релевантным, так как человек не может мыслить и оценивать свое прошлое исходя из персональной истории. Даже замечательное прошлое не спасает от того, чтобы приобрести его снова, но уже совершенно иным. В романе *Солнечный город* (1935) В. Ильенкова инженер Бородин, честно служивший советской власти, превращается во вредителя.

⁷ Кетглинская, В. 1952: *Мужество*. Ленинград.

⁸ Мальшкин, А. Г. 1947: *Люди из захолустья*. Москва.

Создавая свой мир и придумывая ему законы, Сталин понимал, что он не сможет уничтожить все индивидуальные истории, понимал он и то, что невозможно полностью запретить идею предшествующей истории. Этим, по-видимому, и объясняется создание в государстве некоей бессознательной зоны, состоящей из множества политических пустот (таких, как троцкист, враг партии, двурушник и проч.) и где прошлое конкретного человека теряет свое индивидуальное значение. Власть занялась созданием того, что можно было бы назвать государственным бессознательным, в качестве способа была придумана тотальная бдительность. Этот инструмент отнюдь не нов, однако в этом случае его отличало использование, имеющее много общего с психоаналитическим. Подобно детской травме, враг скрывался в бессознательном, но уже не одного человека, а целого государства. Он не давал покоя в целом здоровой психической жизни нового общественного организма, стремившегося избавиться от своего травматического наследия.

Как и Фрейд, Сталин обращал внимание на самые незначительные мелочи, в которых обычному человеку трудно заподозрить симптом врага. Лечить такой симптом, как и любой другой, можно было, предварительно очертив его границы, поняв логику его возникновения. Именно к этому призывал отец народов, когда в своем выступлении в 1937 году, названным им «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» цитировал закрытое письмо ЦК (нужно думать, им же и созданное годом раньше):

... все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством всякого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага, как бы хорошо он ни был замаскирован.⁹

Враг замаскирован, и чтобы его найти, необходимо проделать сложную аналитическую работу по распознаванию малозначащих событий и фактов, конструировавших настоящее советских людей. Казалось бы, здесь идентичность с психоаналитической ситуацией; следует внимательно изучать и как можно глубже вникать в суть этих фактов и событий. Они ведь и должны вывести аналитика к своему генезису, скрытому, бесспорно, в прошлом. Но Сталин предпринимает нечто противоположное. Создается бесконечное множество пустых мест, пространство пустоты – государственное бессознательное, внутри которого никакое событие и никакой факт из прошлой истории не представляет собой опасности. Их бессмысленно искать на дне всеобщей психики, и также бессмысленно пытаться построить из них позитивную историю. Человек излечивается от

⁹ Правда. 29 марта. 1937, 2.

прошлого, создавая историю, помышляя себя самого в системе тождеств между смыслами и предметами, к которым эти смыслы относятся. Человек пришел не из истории, не там он окажется и тогда, когда, отыскав бессознательное смысла, обнаружит ее отсутствие.